

В. П. Микитюк

Карьеры и судьбы выходцев из Франции в Пермской губернии во второй половине XIX — начале XX

В статье исследуется участие выходцев из Франции в профессиональной жизни Пермской губернии. Статистические данные свидетельствуют о том, что количество специалистов — выходцев из Франции в разных сферах профессиональной деятельности было сравнительно небольшим: немецких и австро-венгерских специалистов различного профиля было значительно больше. В статье указывается, что отряд французских специалистов пополнялся в основном за счет обрусевших французов и подданных Франции, работавших в Российской империи по контракту. Небольшая по численности группа технических специалистов, тем не менее, смогла внести существенный вклад в развитие металлургической промышленности, причем некоторые французские специалисты, приняв самое активное участие во внедрении новых технологий и более прогрессивного оборудования, стали эффективными факторами региональной модернизации. Кроме того, раскрывается роль французов в совершенствовании системы народного образования, в первую очередь в улучшении преподавания французского языка. Выявляются также другие области, в которых трудились французы, в том числе предпринимательство и сфера услуг. В статье содержатся биографические сведения о некоторых обрусевших французах и французских специалистах, работавших на Урале во второй половине XIX — начале XX в. Несмотря на малочисленность, они сыграли заметную роль в укреплении русско-французских экономических и культурных связей.

В XVIII–XIX вв. в Российскую империю прибыло большое количество иностранцев, в том числе французов. По мнению исследователей, притягательность России для европейцев объяснялась ее внутренней стабильностью, наличием неосвоенных и слабозаселенных земель, гибкой политикой властей, предоставлявших переселенцам разные льготы, не вводивших национальных ограничений при продвижении по службе и не требовавших перехода в российское подданство. Кроме того, Россия служила «полигоном для приложения способностей тех европейцев, которые не смогли выбиться у себя на родине».

Иммиграционные потоки в ослабленном виде докатывались и до Урала. Среди выходцев из Европы, добравшихся до Урала, преобладали подданные Германии и Австро-Венгрии. Французы всегда были в меньшинстве. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г., в Пермской губернии проживало 217 подданных Германии и 98 — Австро-Венгрии, подданных же Франции, насчитывалось 42 человека (17 мужчин и 25 женщин). Перепись учитывала не только иностранных подданных, но и людей, считавших немецкий, французский и иные языки родными. По этому показателю картина была такой: немецкий язык считали родным 947 человек, французский — 95 (33 мужчины и 62 женщины).

Тот факт, что людей, считавших французский язык родным, было значительно больше подданных Франции, объясняется особенностью формирования этой группы населения в Пермской губернии: она возникла в основном за счет обрусевших французов и французских специалистов, работавших по контракту. Многие из них не собирались навсегда поселиться в регионе и по окончании контракта, как правило, возвращались на родину. Большинство

обрусевших французов являлись подданными России и служили в разных казенных ведомствах. Чиновники часто переводились на новые места службы, нередко за пределы Пермской губернии. В результате этого иные чиновники и подрядчики не успевали оставить заметный след в истории региона.

Тем не менее, во второй половине XIX — начале XX в. французы стали неотъемлемой частью населения Пермской губернии. И обрусевшие французы, и подрядчики, оказавшись на Урале, выбирали разные занятия, но преимущественно они трудились в горнозаводской отрасли, в учебных заведениях и сфере услуг. Очень много выходцев из Франции было сосредоточено в горнозаводской промышленности. В местной хронике часто встречаются такие фамилии, как Барбот-де-Марни, Гутт, Морен, Пажон-де-Монсе, Рашет, Соваж, Тибо-Бриньоль и др. Их вклад в развитие экономики Урала различен: роль некоторых из них оценивалась восторженно, деятельность других подвергалась критике.

Показательна в этом отношении биография горного инженера Карла Карловича Морена. Точных данных о времени появления Моренов в России нет. Карл Морен в 1885 г. окончил Санкт-Петербургский горный институт и был направлен в Нижнетагильский округ. О его деятельности в округе иронично отозвался В. Е. Грум-Гржимайло: «Карлуша был первый ученик, записан на мраморной доске Горного института — но в корне человек ленивый и делом не интересовавшийся. Он играл на скрипке у Кузнецких, оживленно беседовал о лошадях, был приятным человеком в обществе. Дома он штопал белье, делал из трех замшевых перчаток две, мыл их, сушил на руках, знал толк в хозяйстве, дирижировал на танцах, как француз хорошо говорил по-французски, и ему было не скучно без дела».³

Не менее резко отзывался о Морене профессор М. А. Павлов: «Его пригласили на службу в Камский округ князя Голицына, где французы построили Чусовской завод. Директором Чусовского завода был француз, которому требовался для удобства сношений переводчик. Морен поступил переводчиком. Ему отвели место в директорской приемной, и он сидел там часами, ничего не делая, ожидая, когда его услуги понадобятся директору. Рассказывали, что на него, нашего “первого ученика”, было жалко смотреть: он сидел в приемной и входил в кабинет только по звонку директора, когда тому требовался переводчик. Терпеливо просидев несколько лет в приемной, он дождался того, что его назначили управителем Нытвенского завода (того же Камского округа)».

Справедливости ради отметим, что вышеприведенные мнения слишком пристрастны. В Нижнем Тагиле Морен некоторое время являлся заведующим строительным отделением чертежной и одновременно был преподавателем механики в реальном училище. В 1891 г. он занял пост инженера правления Камского акционерного общества и перебрался на Чусовской завод. Возглавлял правление французский специалист. По-видимому, именно при нем Морен и исполнял роль переводчика, но, отнюдь не годами. Уже в 1892 г. он занял пост управителя Нытвенского чугуноплавильного и железодельного завода и проработал в этой должности около 7 лет.

Предприятие состояло из трех частей — Верхнего, Среднего и Нижнего заводов — и нуждалось в модернизации. В 1892–1894 гг. из-за отсутствия средств ничего выдающегося на заводе сделано не было. В дальнейшем ситуация изменилась. В 1895 г. был перестроен водопровод, построена конно-железная дорога, соединившая все три части завода между собой и с пристанью на Каме. Годом позже начались опыты по замене железных обрезков рудой, кроме того, часть печей была приспособлена к отоплению нефтяными остатками.

В 1897 г. были сооружены баки для хранения нефти, нефтепровод в 250 саженей и подъездные пути. В 1898 г. завод перешел на нефтяное отопление, были сооружены новые прокатные станы и введено электрическое освещение всех заводских помещений. Этими работами руководил Морен. По-видимому, его деятельность признавалась успешной, так как его назначили на более высокую должность. 1 марта 1899 г. Морен поступил на службу в Алапаевский округ и уже в апреле стал его управляющим. И здесь он не сидел без дела: в 1901 г. был сооружен листокатальный стан, в 1902 г. — «построен новый корпус мартеновского цеха и поставлено два паровых трубчатых котла».

Летом 1903 г. Карл Карлович был назначен управляющим Сергинско-Уфалейского округа, но уже 1 января 1904 г. он перешел на казенную службу, став главным техником и архитектором Уральского горного управления. Обязанностей у Морена было немало: он выезжал для осмотра заводов, курировал строительные работы. Весной 1909 г. им был произведен осмотр Златоустовского горного округа. Летом того же года ему пришлось заняться делами Нижне-Исетского завода. Начальство было довольно Мореном: 1 апреля 1905 г. он получил чин статского советника; 22 апреля 1907 г. ему был пожалован орден св. Станислава 2-й степени, а 10 апреля 1911 г. его наградили орденом св. Анны 2-й степени.

На рубеже XIX и XX вв. Морен принимал участие и в общественной жизни региона. В начале XX в. его избрали гласным Верхотурского уездного и Пермского губернского земств, а также почетным попечителем Алапаевского, Арамашевского, Борисовского, Коптеловского и Нижнесинячихинского начальных училищ. Кроме того, он участвовал в работе представительских организаций уральских предпринимателей. В 1901 г. Морен присутствовал на 9-м съезде уральских горнопромышленников, а 15 сентября 1909 г. принял участие в совещании углепромышленников восточного склона Урала.

В 1914 г. Морен занял пост начальника одного из отделов Горного департамента в Петербурге. Некоторое время спустя он повстречался с однокурсником М. А. Павловым, который впоследствии вспоминал: «В 1916 г. я встретил его в приемной одного из учреждений в Петрограде. Он первый окликнул меня, потому что я его не узнал:

— Мы знакомы. Вы, кажется, профессор Павлов?

— Да, а вы?

— Я — Морен, ваш товарищ по выпуску.

Передо мной стоял дряхлый на вид шестидесятилетний человек.

— Вы сильно постарели, Морен, я вправду был не узнать вас.

— Не только постарел, но и умирать собираюсь.

Он действительно умер в тот год».

В действительности Карл Морен не скончался в 1916 г. Он пережил и мировую войну, и революции. Весной 1918 г. стал участником конкурса проектов по организации уральской металлургии. Его итоги подводились спустя два года. Проекту Морена эксперты уделили минимум внимания: они признали правильной его идею использования менее ценных руд для коксовой плавки, но осудили предложение инженера разбросать коксовые заводы по округам, в которых преобладали второсортные руды. В последующем следы Морена теряются.

К. К. Морен не сыграл выдающейся роли в модернизации уральской металлургии, но в то же время внес определенный вклад в обновление производственных мощностей Нытвенского и Алапаевских заводов, а также в сооружение многих построек на казенных заводах.

Среди обрусевших французов заметным персонажем являлся Антон (Антоний) Евгеньевич Гутт, родившийся в 1880 г. в семье врача Московского воспитательного дома. Семейство Гуттов появилось в России на стыке XVIII и XIX вв., бежав от ужасов Великой французской революции. Антон, получив среднее образование, поступил в Санкт-Петербургский горный институт, из которого в 1904 г. был исключен за участие в студенческих волнениях. Позднее ему удалось окончить институт: это произошло осенью 1910 г., но часть нужных документов он получил только в 1911 г.

22 ноября 1911 г. Гутта командировали в Шайтанский горный округ. Около трех лет он являлся помощником управителя Верхне-Шайтанского, Нижне-Шайтанского и Павловского металлургических заводов, а в 1913 г. встал во главе всего округа. Шайтанский горный округ был небольшим и не слишком богатым, поэтому его руководителю было трудно проявить свои способности. Часть своего свободного времени инженер использовал для участия в общественной жизни региона. В 1912 г. он был избран гласным Екатеринбургского уездного и Пермского губернского земств. Гутт прослужил гласным около пяти лет, проявив себя деятельным работником и приобретя авторитет в различных кругах. Это не замедлило сказаться на его дальнейшей общественной карьере. В 1915 г. Гутта избрали членом правления Уральского областного военно-промышленного комитета, в котором он трудился энергично и эффективно. Именно по этой причине 3 марта 1917 г. он был избран товарищем председателя правления комитета.

1917 г. для А. Гутта оказался чрезвычайно насыщенным. Сначала он был избран товарищем председателя Совета горнопромышленников Урала, затем его ввели в состав Заводского совещания и назначили товарищем председателя, а также избрали участником съезда по созданию Уральского комитета снабжения. После февральских событий 1917 г. Гутт поддержал Временное правительство и зарекомендовал себя как противник большевиков. Он отрицательно отнесся к большевистскому перевороту, за что 27 декабря 1917 г. был задержан и 20 дней провел под арестом. 17 января 1918 г. он был освобожден «под личное и имущественное поручительство Н. Ф. Магницкого и А. И. Фадеева» — его сподвижников по разным организациям.

Во второй половине 1918 г. Гутт принял участие в антибольшевистском движении и занял пост главноуправляющего горными делами во Временном областном правительстве Урала, которое действовало несколько месяцев. В августе 1918 г. он был избран председателем Уральского промышленного комитета и проработал на этом посту по июнь 1919 г. Затем ему пришлось пережить отступление с колчаковцами в Сибирь, но Россию он не покинул. Почти 17 лет горный инженер трудился в советских учреждениях: в 1926–1930-х гг. был профессором кафедры маркшейдерского дела Днепропетровского горного института, а затем в том же вузе возглавил кафедру горной геометрии. В марте 1937 г. его арестовали по обвинению в принадлежности к украинской националистической фашистской контрреволюционной организации «Академический центр». 3 сентября того же года он был приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

В Пермской губернии были хорошо известны Николай Павлович и Евгений Николаевич Барботы-де-Марни, Иван Генрихович Пажонде-Монсе, Владимир Карлович Рашет, Иван и

Петр Алексеевичи Соважи, Иосиф Иосифович Тибо-Бриньоль. Все они внесли существенный вклад в развитие уральской горнозаводской отрасли. Иван Соваж стоял во главе Суксунского округа, а его брат Петр был главным смотрителем казенных караванов, транспортировавших уральские металлы. Иван Пажон-де-Монсе возглавлял Кузье-Александровский металлургический завод, Николай Барбот-де-Марни был выдающимся геологом, а его сын Евгений трудился на разных заводах. Значительную известность ему принесла книга «Урал и его богатства», изданная в 1910 г. Владимир Рашет и Иосиф Тибо-Бриньоль, руководившие заводами и возглавлявшие горные округа, имели репутацию не только опытных администраторов, но и квалифицированных инженеров. Рашет был одним из самых убежденных сторонников сооружения в Пермской губернии железных дорог, изобретателем доменной и медеплавильной печи оригинальной конструкции, а Иосиф Тибо-Бриньоль, встав во главе Невьянского округа, приложил немало усилий для организации производства драг. Иными словами, оба инженера были заметными участниками модернизации уральской металлургии.

Кроме обрусевших французов, в горнозаводской отрасли трудилась небольшая группа французских контрактеров, приглашение которых в Россию было давней традицией. В частности, это практиковали владельцы ряда горных округов, в том числе Демидовы. В 1854 г. в Нижнетагильском округе числилось трое французских подданных: в 1839 г. к Демидовым нанялся уроженец г. Метца Леон Вейер, в 1852 г. его примеру последовал Анатолий Жонес де Спонвиль, а в 1854 г. к ним присоединился парижанин Эдуард Бокар. Последние двое на Урале не задержались: в 1856 г. они уехали в Санкт-Петербург, где стали служащими главной конторы Демидовых. А. О. Жонес де Спонвиль со временем стал главноуправляющим демидовских заводов. Место уехавших контрактеров заняли литейщик медных изделий Луи Альфонс Белланже и химик Жан Жак Тисс.¹²

Не менее активно французских специалистов приглашали владельцы Алапаевского горного округа, причем на руководящие должности: сначала округ возглавлял Н. Ю. де-Ришмон, впоследствии его сменили Э. Ф. Сиркуллон и А. Ю. Иллоро.

Артур Иллоро, по-видимому, появился на Урале уже в 1870-е гг. Первое время он трудился на Чусовском заводе, который принадлежал акционерной компании, созданной во Франции. К середине 1880-х гг. он успел сделать неплохую карьеру: занял пост директора всех российских владений акционерного общества. В 1885 г. он получил еще одно назначение. В газете «Пермские губернские ведомости» сообщалось: «Председатель совета управления акционерного общества... имеет честь объявить во всеобщее сведение, что ответственным агентом по всем делам означенного общества в России назначен главный директор учреждений общества в России г. Артур Юлий Иллоро (Illerau), жительствующий на заводе в Чусовой Пермского уезда Пермской губернии».

Вскоре Иллоро принял предложение возглавить Алапаевский горный округ, во главе которого находился по 1899 г. Под его руководством началось масштабное преобразование заводов. Почти каждый год вводились в строй новые производственные мощности. В 1895 г. произошли следующие изменения: «В Алапаевском заводе окончено устройство марте-новской печи с суточным производством в 2100 пудов мягкого металла, установлено два трубчатых котла и одна паровая машина в 60 сил для прокатного цеха и устроено электрическое освещение всех цехов и площадей завода; на рудниках же Алапаевского завода пущен в действие паровой экскаватор для вскрыши пустой породы и продолжалось устройство железной дороги для перевозки пустой породы к свалкам».

Артур Иллоро, руководя округом, тщательно анализировал его деятельность, особенно

работу мартеновских цехов. Итоги наблюдений он публиковал в «Уральском горном обозрении». Только в 1899 г. им было напечатано три статьи — «Основное мартенование на Урале», «Мартенование Нейво-Алапаевского завода за 1898 год», «Наблюдения над параллельным ржавлением мартеновского и пудлингового кровельного железа Нейво-Алапаевского завода».

Деятельность Иллера, сторонника модернизации уральской металлургии, активного и эффективного ее участника, была высоко оценена современниками: «За время его управления Алапаевскими заводами производительность округа увеличилась на одну треть при блестящих коммерческих результатах, построена заводская железная дорога протяжением около 40 верст для перевозки руды и древесных материалов, введено мартеновское производство, произведены геологические исследования и капитальные разведки руд и установлены рациональные приемы разработки рудников. На исследования и разведки в последние семь лет израсходовано около 120 тысяч рублей, на изучение лесов до 40 тысяч рублей». ¹⁵ Стоит добавить, что долгое время домы Алапаевского округа были одними из самых невысоких на Урале, что отрицательно сказывалось на их работе. Иллера стал инициатором сооружения в Нейво-Алапаевском заводе домы высотой в 56 футов, которая длительное время оставалась самой высокой в регионе.

В результате деятельности Иллера Алапаевский горный округ был существенно модернизирован. В его сложном хозяйстве имелись и значительные недостатки, но исправить их управляющий не мог из-за недостаточного финансирования. В конце концов он решил вернуться во Францию. Последнее известие о нем относится к 1900 г.: «Одна французская компания капиталистов обратилась к инженеру Артуру Иллера, бывшему управляющему Алапаевскими заводами, теперь проживающему на юге Франции, с предложением организовать на Урале новое металлургическое дело. Компания располагает 20 миллионами франков».

В самом конце XIX в. интерес к французским специалистам проявили владельцы Богословского округа, в состав которого входил Надеждинский чугуноплавильный и железодельный завод. Предприятие было прекрасно оснащено: на нем имелось оборудование, изготовленное в Европе, что и подвигло владельцев округа на приглашение иностранных специалистов. Так, в 1899 г. производство стальных рельсов возглавлял французский гражданин Франсуа Биладе, главным механиком являлся француз Маврикий Гюэт. В этот же период мартеновским цехом заведовал французский гражданин Э. де-Луазель, а пост технического директора занимал француз Антон Журжон. Правда французские специалисты на Надеждинском заводе трудились недолго: в начале XX в. они покинули Урал.

Во второй половине XIX — начале XX в. французские фирмы стали инициаторами строительства в Пермской губернии ряда металлургических заводов, в том числе Чусовского, Велсовского, Вижаихинского и Кутимского, что стало причиной появления новой небольшой по численности группы французских специалистов. На Архангело-Пашийском заводе некоторое время трудились Раймонд Васле и Клод Морель. Заведующим инженерной частью Чусовского завода являлся Жак Вердие. Техническую часть Камского акционерного общества возглавлял Юлий Жиро, а главными директорами этой компании в разное время служили Луи-Леон Антуан Монтейль, Эмиль Жан Лавизон и Туссен Тай. Пост директора Кутимского завода несколько лет занимал металлург Герман Дюссо. Управляющим Вижаихинского завода был инженер Густав Журд, причем строителем завода также был француз — Жорж Реймон.

Часть французских проектов оказалась неудачной. Постепенно были закрыты Велсовский, Кутимский и Вижаихинский заводы, а специалисты, работавшие на них, покинули Урал. Иначе сложилась судьба предприятий Камского акционерного общества: они продолжали более или менее успешно работать вплоть до революционного 1917 г.

Участие французов в профессиональной жизни Пермской губернии имело место не только в горнозаводской отрасли. Выходцы из Франции появлялись в казенных ведомствах и частных структурах. Так, приказом по Казанскому телеграфному округу был «определен изучивший телеграфную службу французский подданный Степан Гудар на Екатеринбургскую телеграфную станцию по найму телеграфистом 3-го разряда с 1 января 1878 года».

В большинстве ведомств и частных структур доля французов от общего числа служащих была незначительной. Исключение составляли учебные заведения и сфера услуг. С 1860-х гг. численность средних учебных заведений в Пермской губернии росла, благодаря чему появлялись вакантные места преподавателей французского языка. Чаще всего их занимали русские, немцы и швейцарцы, но время от времени претендентами на вакансии выступали французы, причем не только обрусевшие, но и вновь приехавшие в Россию.

Одним из первых учителей-французов в Пермской губернии стал Эдуард Львович Мартен, родившийся во Франции около 1820 г. Окончив курс наук в Руанском колледже, он в 1839 г. прибыл в Россию. Проработав до 20 лет в разных учебных заведениях, он в начале 1860-х гг. переехал на Урал, решив устроиться учителем французского языка. 16 августа 1861 г. его назначили преподавателем Екатеринбургского женского училища, позднее преобразованного в гимназию. Оклады в училище были невелики, что заставляло педагогов искать другие возможности для пополнения своего бюджета. Мартен не был исключением. В 1876 г. он начал преподавать французский язык в мужской гимназии, кроме того, 24 ноября 1878 г. его назначили сверхштатным педагогом Екатеринбургской женской гимназии. В том же году Мартен был переведен учителем французского языка в Екатеринбургское Алексеевское реальное училище. На 1878 г. пришлось единственная награда Мартена: 22 декабря ему был пожалован орден св. Станислава 3-й степени.

4 сентября 1879 г. в дополнение к должности преподавателя французского языка Мартен получил разрешение стать наставником одного из классов реального училища. Это позволило педагогу несколько улучшить свое материальное положение. За уроки французского языка он получал 1 650 рублей в год, должность классного наставника принесла ему дополнительных 160 рублей. Сын коммерсанта был экономным человеком. Ему удалось скопить некоторую сумму и купить в Екатеринбурге деревянный дом, в котором он и поселился вместе со своей русской супругой. Наличие собственного дома было для екатеринбургских педагогов явлением довольно редким. Правда семейная идиллия Мартена длилась недолго: 25 апреля 1882 г. он скончался.

В 1882 г. в когорте екатеринбургских педагогов появился новичок — Александр Викторович Пинель-де-Граншан (30.06.1853—?). Детство и юность де-Граншана прошли во Франции, где он окончил частную школу в Орлеане. В конце 1870-х гг. де-Граншан переехал в Россию. 31 августа 1878 г. его назначили исполняющим обязанности преподавателя французского языка в Новочеркасской гимназии. Через два года француз перевелся в поволжский город Вольск: 11 августа 1880 г. он стал преподавателем в прогимназии и реальном училище. Неудовлетворенность материальным положением заставила де-Граншана искать более выгодное место. 23 сентября 1882 г. он стал педагогом Екатеринбургского реального училища. В штат его не зачислили — долгое время он числился преподавателем по вольному найму. Очевидно, это устраивало Александра Викторовича, обладавшего

предприимчивым характером. Прибыв на Урал, он проявил интерес к золотодобыче и технологиям, имевшим место в уральской золотодобывающей отрасли. В 1884 г. он заявил золотосодержащие площади в Березовской и Каменской дачах, находившихся в Пермской губернии. 31 декабря 1885 г. ему был отведен Рафаэлевский золотой прииск, открытый в Монетной даче той же губернии. 19 Вероятно, де-Граншан зарекомендовал себя знатоком ряда технологий, применявшихся в золотодобыче. Известно, что в 1887 г. он служил на промыслах золотопромышленника Базилевского, внедряя некий видоизмененный способ Касселя. Золотодобычей Александр Викторович занимался не один десяток лет, правда без особых достижений. Тем не менее, это позволило ему превратиться из квартиранта в домовладельца: в Екатеринбурге ему удалось приобрести деревянный дом.

В 1891 г. де-Граншан дождался важного события: 16 ноября он был зачислен в штат реального училища. По-видимому, училищное начальство оценило рвение француза и признало его деятельность на педагогическом поприще вполне успешной. В 1890-е гг. Александр Викторович получил немало фактов признания его заслуг. 16 июля 1894 г. ему была объявлена благодарность попечителя Оренбургского учебного округа, к которому относились учебные заведения Екатеринбурга, за успехи учащихся-реалистов на выпускных экзаменах. 16 ноября 1895 г. он был возведен в чин титулярного советника, а в следующем году стал коллежским асессором. Еще через два года ему был присвоен чин надворного советника. В это же десятилетие его пожаловали высочайшими наградами: орденом св. Станислава 3-й степени (01.01.1895) и серебряной медалью в память царствования Александра III для ношения на груди на Александровской ленте (24.02.1896).

В конце XIX в. де-Граншан был участником и общественной жизни Екатеринбурга. Так, он стал действительным членом Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) и периодически бывал на его публичных заседаниях: в 1888 г. он посетил два собрания членов УОЛЕ, а в 1889 г. — три. В последующем педагог перестал сотрудничать с этой общественной организацией. Во второй половине 1890-х гг. де-Граншан стал участником создания Екатеринбургского общества любителей изящных искусств (ЕОЛИИ) и некоторое время являлся заведующим отделом художественной промышленности этой организации. Кроме того, он охотно участвовал в литературных диспутах, организуемых ЕОЛИИ.

В начале XX столетия ЕОЛИИ раздирали противоречия, вызванные политическими разногласиями, поэтому де-Граншан порвал все связи и с этой организацией, сосредоточившись на преподавании и предпринимательстве. 1900 г. принес ему чин коллежского советника. Следующий год также не остался без радостной новости: 1 января он был пожалован орденом св. Анны 3-й степени. В апреле 1904 г. он стал статским советником, и это оказалось последним карьерным достижением де-Граншана. Испортившиеся отношения с начальством стали причиной его перевода в январе 1907 г. в Красноуфимское промышленное училище. Переезд в Красноуфимск не вызвал у педагога никакой радости: в Екатеринбурге остался дом. Кроме того, в Екатеринбурге — негласной столице Урала — было больше возможностей для занятия предпринимательством.

В 1900-е гг. де-Граншан установил связи с некоторыми французскими банкирами, у которых был интерес к Екатеринбургу. Финансисты хотели осуществить два крупных инвестиционных проекта. 9 ноября 1907 г. Екатеринбургской городской думой было рассмотрено «заявление советника внешней торговли Франции А. В. Пинеля-де-Граншана... который внес предложение реализовать у указанных банкиров городской облигационный заем на следующих условиях: дума должна уплатить на первый год 8 % на капитал, в том числе одновременно 3 % комиссионных, а за последующие годы — 5 %». Кроме того, банкиры

предложили через де-Граншана заем в размере 100 тысяч рублей, который был должен пойти на сооружение гостиного двора. До реализации этих проектов дело не дошло.

Раздраженный переводом, де-Граншан подал прошение об увольнении его с должности преподавателя промышленного училища и о выходе в отставку. Прошение было удовлетворено, и 1 мая 1908 г. Пинель-де-Граншан завершил свою педагогическую деятельность. В 1910-е гг. он продолжал числиться екатеринбургским домовладельцем, а затем его следы затерялись.

С уходом де-Граншана Екатеринбургское реальное училище не осталось без французских педагогов. Еще 4 марта 1906 г. на место преподавателя в этом учебном заведении устроился выпускник Сорбонны Адриан Петрович Дюпре. Двумя годами позже в училище появился еще один выпускник Сорбонны — Гастон Викторович Уэ. И Дюпре, и Уэ преподавали французский язык. Имеются и другие свидетельства о появлении на Урале новых французских педагогов. В 1905 г. при Екатеринбургской мужской гимназии экзамен на звание преподавателя французского языка сдал некий французский гражданин Прево.

Появление новых французских специалистов в самых разных областях стало результатом укрепления внешнеполитических связей России и Франции. Создание русско-французского союза повлекло за собой повышение интереса французов к России, в том числе к ее отдаленным провинциям, и подтолкнуло некоторых граждан Франции к переселению в Россию. Однако поток переселенцев в Пермскую губернию хотя и нарастал, но по-прежнему оставался небольшим. О значительной доле новоявленных уральцев имеются лишь отрывочные сведения. Они не дают возможности определить мотивы их появления на Урале. Не менее сложно обозначить срок пребывания этих переселенцев в России. По-видимому, большинство французов, как и ранее, приезжало в Пермскую губернию лишь для временного трудоустройства. Иногда среди них встречались экзотические персонажи. Так, одно объявление в местной газете за 1906 г. сообщает: «Приезжая парижанка-хиромантка может угадывать будущее, прошедшее и настоящее. Остается еще на несколько дней. Принимает с 11 часов дня до 7 часов вечера. Номера Плотникова».

Среди переселенцев из Франции было немало людей с невысоким материальным уровнем. Представители этой группы были готовы пристроиться в дома зажиточных уральцев почти на любую должность. Об этом свидетельствует, например, объявление: «Француженка, недавно приехавшая из Франции, желает получить место». Сходную картину дает газетное объявление от 3 января 1912 г.: «Парижанка средних лет ищет место к детям (не моложе 6 лет) или уроки (даже за стол и квартиру). Обращаться к А. П. Дюпре, Архиерейский переулок, № 4».28

Найти более или менее хорошо оплачиваемую работу удавалось далеко не всем, поэтому некоторым приходилось возвращаться на родину. Железнодорожное путешествие во Францию было не каждому по карману, что заставляло искать нетривиальные возможности, о чем свидетельствует, например, такое объявление: «Интеллигентная француженка желает поехать во Францию в качестве переводчицы. Адресовать: Екатеринбург, Васенцовская улица, №113 для Марии Фавелль».

Многие из числа вновь приехавших стремились попасть в сферу услуг и получить места бонн, гувернанток, экономок, домашних учителей и репетиторов. Вероятно, к этому их подталкивал растущий интерес жителей Пермской губернии к французской культуре и к французскому языку, которому в России традиционно отводилось большое внимание при получении среднего и высшего образования. Многие родители, стараясь избавить своих детей

от проблем с изучением языка Бомарше и Мольера на школьной скамье, обзаводились боннами и гувернантками, знавшими французский.

В прессе то и дело появлялись объявления о приглашении бонн и гувернанток, говорящих на иностранных языках, в том числе по-французски. Так, в январе 1888 г. такое объявление опубликовал инженер К. Т. Трофимов, проживавший на станции Губаха Уральской железной дороги. Ему срочно требовалась гувернантка, «практически знающая французский и немецкий языки».30 В 1890 г. поиск бонны, говорящей по-французски, начал полковник В. С. Обакевич. В XX в. спрос на бонн и гувернанток, знающих иностранные языки, еще более возрос. В мае 1907 г. учительницу бонну со знанием французского и немецкого языков искал некий житель Екатеринбурга. В этот же момент бонна, знающая французский, потребовалась предпринимателям Злоказовым.33 Такие поиски были характерны не только для жителей Екатеринбурга. Столь же усердно искали образованную прислугу в ряде других городов губернии, в том числе в губернской столице — Перми: «Нужна француженка к детям. Угол Петропавловской и Обвинской, дом Шишонко, квартира г. Коптева».34

Поиски уральцев не оставались бесплодными. Уже в конце XIX столетия в губернии можно было без особых проблем найти прислугу, владевшую иностранными языками. Правда в основном это были немки и полячки, хотя встречались и француженки. Вот одно из объявлений: «Госпожа Бовар желает занять место бонны или экономки в хорошем семействе. Также дает практические уроки французского языка». В течение долгого времени уральцам приходилось довольствоваться услугами бонн и гувернанток, не имеющих специального педагогического образования и способных только на «практическое» обучение языку.

В начале XX в. ситуация изменилась. Время от времени стали появляться выходцы из Франции, способные предоставить более качественные образовательные услуги. В 1903 г. в Екатеринбурге появилась семейная чета из Франции. В объявлении говорилось: «Парижане, господин и госпожа Буавэн, дают уроки французского языка, теории, практики, стиля, литературы, коммерческих писем. Никольская 26. Берут пансионерами реалистов».36 Свою деятельность парижане продолжили и в 1904 г., а затем их объявления исчезли из местных газет. В 1904 г. появилась преемница Буавэнов. Об этом говорит следующее объявление: «Француженка, недавно прибывшая, имеющая диплом Французской Академии, дает уроки французского языка и литературы. Златоустовская, 22».

Сходная картина наблюдалась в Перми. Весной 1907 г. жители губернского центра узнали об открытии новой библиотеки из следующего объявления: «Французская библиотека. Имеется большой выбор книг для всякого возраста. Открыта еженедельно с 11 до 3 часов. Покровская улица, дом Савина. М. Террачиано. Тут же даются практические и теоретические уроки французского языка». Несколькими месяцами позже желание «давать уроки практического языка» высказала некая француженка, проживавшая в доме № 22 на Большой Ямской улице.

Благодаря французам, работавшим в учебных заведениях, боннам, гувернанткам, домашним учителям и репетиторам количество жителей Пермской губернии, знающих в той или иной степени французский язык, увеличилось. Это позволило им знакомиться с новинками французской литературы, причем не только с беллетристикой, но и с технической литературой. В частности, известны случаи перевода на русский язык трудов французских металлургов. Так, выпускник Екатеринбургского реального училища А. И. Фадеев перевел книгу де-Билли «Производство чугуна. Краткое руководство доменной плавки». Этот перевод переиздавался дважды.

Ряды французских специалистов, участвовавших в профессиональной жизни Пермской губернии, пополнялись за счет обрусевших французов, приезжавших из разных регионов Российской империи, а также за счет французских контрактеров. Представители обеих групп трудились преимущественно в горнозаводской отрасли, а также в учебных заведениях и сфере услуг. Несмотря на то что поток французов на Урал постепенно увеличивался, численность французских специалистов в Пермской губернии никогда не была значительной. Из-за отъезда на родину контрактеров и перевода чиновников из числа обрусевших французов на новые места службы их численность была подвержена колебаниям. Несмотря на это, французские специалисты сыграли заметную роль в развитии уральской металлургии и системы народного образования: некоторые из них проявили себя в качестве эффективных факторов модернизации и внесли крупный вклад в развитие региона